
Андрей Захарчук
Есть яблоки
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Андрей Захарчук

Есть яблоки

«Автор»
2026

Захарчук А.

Есть яблоки / А. Захарчук — «Автор», 2026

В пятьдесят лет Андрей сделал то, о чём другие только говорят. Составил табличку «Выход», продал московскую жизнь по пунктам – квартиры, дачу, машину, две тысячи книг – и уехал в Анталию, к морю, горам и закатам. Свободу он получил. А вместе с ней – тишину, которую нечем заполнить.Книжный клуб в кофейне с апельсиновым деревом. Тиндер с ливанскими беженками и вдовой подполковника. Соседка из первого подъезда, которую надо звать дважды. Питерская девочка с пауэрбанком. Учительница английского, для которой у него «такая мягкая кровать». Холодная красотка из Харькова, кальян и сосед с братом-жандармом. Канадец с гитарой, у которого на вечеринках кольцо на пальце значит «только смотрю».И всё это время в телефоне у Андрея есть контакт, записанный одной буквой «М». Женщина, которую он любит с девяносто восьмого года. Двадцать пять лет дружбы, два «цикла слияний и поглощений» и ни одного поцелуя, на который он решился бы первым.Смешной, откровенный и очень взрослый роман.

© Захарчук А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Есть яблоки 5
Глава 1. Распродажа 6
Глава 2. Книжный клуб 10
Глава 3. Тиндер и другие стихийные бедствия 13
Глава 4. Эчпочмаки 17
Глава 5. Знакомство на набережной 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Есть яблоки

Есть яблоки

Nov 19, 2026

Глава 1. Распродажа

Андрей продавал свою жизнь так же, как двадцать лет продавал чужие проекты советам директоров: по таблице, с колонками «риски» и «сроки», в которой всё, что шло не так, было закрашено красным. Таблица называлась «Выход», и в ней было семнадцать строк. Двушка на Профсоюзной, в которой он прожил пятнадцать лет и которую все эти пятнадцать лет собирался отремонтировать. Однушка в Хамовниках, купленная «под сдачу» и сдававшаяся семь лет подряд тихой аспирантке из Воронежа, которая за все семь лет ни разу не задержала платёж и ни разу не позвала его на чай, что он с некоторой досадой считал признаком высокой культуры. Дача под Звенигородом с баней, в которой он парился три раза. Машина. Гараж под машину. Две тысячи книг, из которых он оставил себе сорок семь, а остальные раздал с таким чувством, будто раздаёт не книги, а старых знакомых, с которыми давно не о чем говорить, но неловко об этом сказать. Абонемент в фитнес-клуб, продлённый в сентябре из чистого оптимизма. Всё это он записал в табличку, напротив каждой строчки поставил срок и фамилию того, кто за неё отвечает, хотя фамилия везде была одна и та же, его собственная, и каждый раз, когда что-нибудь удавалось продать или раздать, закрашивал строчку зелёным.

К осени 2019 года почти все строчки в табличке были зелёными. Дольше всех красной оставалась строчка «Дача», потому что покупатель, грузный детский врач с вполне детскими вопросами, три недели выяснял, не придёт ли потом кто-нибудь и не скажет, что баня стоит на чужой земле. Андрей показывал ему межевой план, кадастровую выписку, фотографии столбиков и даже план газификации, уже утверждённый в районной администрации, с печатями и подписями, ради которого он два года ездил в Одинцово с папкой документов и коробкой конфет для девочек из отдела архитектуры. План был его гордостью: труба должна была прийти к забору в следующем году, и баня из дровяной превращалась в газовую, а дача – в дом для круглогодичной жизни. Врач прочёл план внимательно, как читают чужую историю болезни, и спросил, а если трубу так и не протянут, сколько тогда стоит эта бумага с печатями. Андрей показывал ему всё это три недели, и врач кивал с таким лицом, с каким, наверное, сам выслушивал пациентов, уверенных, что у них рак. В итоге он купил, сбив цену на триста тысяч за «неопределённость», и Андрей уступил, потому что понял внезапно и совершенно отчётливо, что если не продаст дачу сейчас, то останется в ней навсегда – станет одним из тех мужчин в тренировочных штанах, которые по выходным смотрят на мангал так, будто мангал им что-то должен.

Идея уехать не пришла к нему внезапно, как приходят озарения в кино. Она накапливалась годами, как накапливается накипь в чайнике: никто не видел, когда она появилась, но однажды ты заглядываешь внутрь и понимаешь, что воды там уже меньше, чем камня. Сначала был развод, тихий и почти вежливый, после которого бывшая жена до сих пор поздравляла его с днём рождения одной и той же открыткой с подсолнухами. Потом была работа, которая за двадцать лет сделала его человеком, которого приглашают на совещания для того, чтобы на них ничего не случилось. Он умел придать любой катастрофе вид плановой задачи, а любой плановой задаче – вид победы, и за это ему платили неприлично хорошо. А потом ему исполнилось сорок девять, и на дне рождения, где-то между тостом за здоровье и тостом за родителей, его старый приятель Серёга, держа рюмку на уровне глаз, сказал:

– Андрюха, ты же понимаешь, что всё. Дальше только повторы.

Серёга имел в виду футбол, потому что за пять минут до этого они спорили о Спартаке. Но Андрей услышал эту фразу так, как слышат приговор, и ночью, вернувшись на Профсоюзную, долго сидел на кухне и смотрел на холодильник, увешанный магнитами из городов, где он не был. Их привозили коллеги. Прага, Лиссабон, Пхукет, черногорская Будва с котом, Анталия с верблюдом. Холодильник путешествовал больше хозяина.

Анталию он выбрал так, как выбирал подрядчиков: три кандидата, весовые коэффициенты, столбец итогов. У Лиссабона были виды и фадо, но там нужно было учить португальский, а португальский, как выяснилось после двух уроков, звучит как испанский, у которого заложен нос. У Черногории были горы и славянские слова, но зимой там, по рассказам, закрывалось всё, включая солнце. Анталия выиграла по сумме баллов: триста с лишним солнечных дней в году, четыре часа лёта до Москвы, вид на жительство при покупке недвижимости и столько русских, что одиночество, казалось, просто не поместится. В этом последнем расчёте была ошибка, но обнаружилась она позже, как и все настоящие ошибки, которые всегда дожидаются, когда проект уже сдан и акт подписан.

Квартиру он нашёл в Коньяалты, в семи минутах ходьбы от моря, если идти быстро и не смотреть на котов, и в двенадцати, если смотреть. Десятый этаж нового дома с бассейном во дворе и сауной, в которую никто никогда не ходил, потому что и так жарко. Три комнаты, как тут говорили, «два плюс один»: гостиная с кухней, в которой можно было играть в бадминтон, и две спальни. Вторая спальня была не нужна ему совершенно, и агент по имени Алина, краснодарская девушка с ногтями цвета бирюзового бассейна, сказала ровно то, что и должна была сказать:

– Ну а гости? К вам же будут приезжать. Все приезжают, вот увидите. Тут сначала думаешь, что ты один, а потом от родственников прячешься на пляже.

Андрей представил своих родственников. Мать, которая не летала с 1986 года из принципа. Брата в Твери, который летал, но только в Шарм-эль-Шейх и только по путёвке «всё включено». Представил Серёгу, который приедет один раз, напьётся ракы и скажет, что у турок всё как у людей, только теплее. И ещё – на секунду, на ту самую секунду, за которую успеваешь заметить мысль, но не успеваешь её придушить, – он представил длинные ноги на пороге этой комнаты, сумку с женевской биркой на ручке и голос, который говорит: «Ну и что вы тут устроили, Андрей Викторович?»

– Беру, – сказал он Алине. – Спальню оставлю пустой. Пусть будет.

В таблице «Выход» такой строчки не было, так что закрашивать зелёным было нечего.

Он прилетел в конце января 2020 года, с двумя чемоданами, коробкой книг и ощущением, которое бывает у человека, спрыгнувшего с парашютом и ещё не дёрнувшего кольцо: страшно, но страшно так, что хочется смеяться. Зимняя Анталия оказалась не той, что на магните с верблюдом. Отели на Ларе стояли тёмные и огромные, как суда, замёрзшие во льду в ожидании навигации. По Коньяалты гуляли пенсионеры во флисовых кофтах и собаки с жёлтыми бирками в ушах – бирка означала, что собака привита, стерилизована и поставлена на учёт городской системой, освобождённая от всех прав и обязанностей, кроме одной: быть счастливой в тени. Андрей смотрел на них с завистью, которую сам называл интересом.

Утром он пил кофе на балконе и смотрел на Бейдаглары. Горы стояли на той стороне залива в снегу, и это было как-то неправильно, как женщина в шубе на пляже: внизу пальмы и плюс семнадцать, а над ними – альпийская открытка, и никого это не смущает. Днём он ходил по инстанциям: налоговая, икамет, страховка, водоканал, где ему три раза налили чаю в маленьких стаканчиках-тюльпанах, прежде чем сказать, что нужен другой документ. Он обнаружил, что турецкая бюрократия делает с человеком то же самое, что и русская, только с чаем и улыбкой, и от этого не утомляешься, а почти расслабляешься. Вечером он шёл на набережную смотреть закат.

Закаты в Анталии – отдельный разговор, и в этой книге им ещё предстоит играть роль, которой они не заслуживают. Солнце уходит за горы, а не в море, и потому каждый вечер здесь похож на прощание, которое не договорили: небо ещё полчаса горит абрикосовым и сиреневым, море делается цвета стали, а горы чернеют и подходят ближе, будто хотят что-то сказать и не решаются. Андрей фотографировал их на телефон и не знал, кому отправить. В телефоне

было триста сорок контактов. Серёга ответил бы «ну ты и буржуй», брат – «а у нас минус двенадцать», бывшая жена – подсолнухами. Был ещё один контакт, записанный одной буквой «М», остаток старой привычки времён кнопочных телефонов, когда он стеснялся писать её имя целиком, как будто телефон мог кому-то наябедничать. С «М» они переписывались раз в полгода, на дни рождения и под Новый год, и каждый раз в этих переписках было что-то такое, что он потом перечитывал по три дня. Закат он ей не отправил. Рано. Незачем. В таблице такой строки тоже не было.

В середине марта мир закрыли.

Сначала это выглядело как новости из другой страны, затем как слухи в чате дома, а потом как полицейская машина на пустой набережной, которая медленно ехала вдоль моря и что-то вежливо говорила в громкоговоритель на языке, которого Андрей не понимал, но понял без перевода. Закрылись кафе, пляжи, парки, турецкая баня в подвале соседнего дома и парикмахерская дяди Мустафы, где Андрея дважды постригли и один раз, без спросу, опалили волосы в ушах горящей ваткой. По выходным вводили комендантский час, потом отменяли, потом вводили опять, и вся страна жила в ритме между пятницей и понедельником, как сердце с неправильным пульсом. Позже, весной двадцать первого, обнаружится особенно изящная деталь: туристов от запретов освободят, потому что туристы привозят валюту, а жителей с видом на жительство – нет, потому что валюту они уже привезли. Андрей, со своим свеженьким икаметом в пластиковой обложке, будет стоять на балконе десятого этажа и смотреть, как по пустой улице идут к морю два последних на земле немца в одинаковых панамах, свободные, как птицы, и спокойные, как коровы.

Он думал, что умеет быть один. В Москве он даже считал это своим конкурентным преимуществом: он не звонил людям, когда было плохо, и не нуждался в том, чтобы звонили ему. Но московское одиночество, как оказалось, было населено людьми гуще, чем иная семья. В нём были охранник в офисе, который говорил «здравия желаю», и кассирша в «Азбуке», которая знала, что он берёт кефир один процент, и подчинённые, и заказчики, и пробки, и пятничный виски с Серёгой, и даже тихая аспирантка из Воронежа, которая исправно платила и не звала на чай. Московское одиночество было как одиночная каюта на большом корабле: за тонкой перегородкой всё время кто-то ходил, ругался и спускал воду. Антальское одиночество весны двадцатого года было той же каютой, только корабль уже утонул, а каюта по какой-то инженерной причуде осталась сухой и плыла себе дальше, с кондиционером и видом на горы.

К апрелю он поймал себя на том, что разговаривает с чайником. Не вслух, а так, как разговаривают с коллегой, с которым проработали десять лет: кивком, покачиванием головы, ироническим поднятием брови. Чайник был турецкий, двухэтажный, со своим характером: нижний всегда кипел, верхний всегда настаивался, и в этом Андрей видел нечто глубоко семейное. Потом он поймал себя на том, что начал кормить собаку.

Собака жила у соседнего магазина и была рыжей, большой, с одним стоячим ухом и одним висячим, отчего у неё всегда было выражение человека, который слушает тебя внимательно, но не верит ни слову. В ухе, том, которое стояло, была жёлтая бирка. Продавец называл её Локум, что по-турецки означало рахат-лукум, сладкий кубик, и Андрей неделю не мог понять, почему сорокакилограммовая собака названа в честь конфеты, пока не увидел, как она ложится на спину перед детьми. Он покупал ей сухой корм в синих пакетах и высыпал в пластиковую миску у стены. Локум ела не спеша, с достоинством, и потом шла за ним до подъезда. У подъезда они останавливались и смотрели друг на друга.

– Ну что, – говорил Андрей. – До завтра.

Локум садилась и ждала, что он передумает. У него была пустая спальня и столько времени, что его хватило бы на трёх собак. Он не передумывал. Собака так собака, думал он, поднимаясь в лифте, ей и так хорошо, у неё бирка и вся улица, а дома ей будет скучно. Это

была совершенно разумная мысль, и Андрей, как и все разумные люди, совершенно не замечал, сколько в его жизни держалось на таких вот разумных мыслях.

В мае он скачал Тиндер. В июне нашёл в телеграм-чате «Русские в Анталии», между объявлением о продаже детского самоката и вопросом, где купить нормальный творог, приглашение в книжный клуб. Суббота, десять утра, кофейня в глубине квартала, во дворе с апельсиновым деревом, соблюдаем дистанцию. «Обсуждаем Бунина, Тёмные аллеи, приходите со своими чувствами».

Андрей читал «Тёмные аллеи» в институте и помнил из них только одно: там все всегда опаздывали. Любили не вовремя, уезжали не вовремя, умирали не вовремя, и в девятнадцать лет это казалось ему недостатком сюжета. Он поставил под объявлением сердечко, подумал и убрал. Потом поставил снова.

В субботу, в девять сорок, он уже стоял у апельсинового дерева в чистой рубашке, с зачитанным Буниным под мышкой и с лицом человека, который пришёл на собеседование и сильно переоценил свою квалификацию.

Глава 2. Книжный клуб

Апельсиновое дерево оказалось настоящим, с апельсинами, которые никто не срывал, потому что они были горькие, декоративные и существовали исключительно для того, чтобы на них смотрели. Андрей потом не раз вспоминал эти апельсины, потому что вся русская Анталия двадцатого года была похожа на них: яркая, повешенная на видное место и горькая внутри.

Кофейня называлась «Шафран» и принадлежала турку по имени Озан, который в девяностые торговал кожаными куртками с челночницами из Иванова и с тех пор говорил по-русски так, как говорили на рынке в Лужниках в тысяча девятьсот девяносто четвёртом: быстро, ласково и с матом в качестве знаков препинания. Во дворе стояли восемь столиков, каждый в полутора метрах от соседнего, и Озан лично отмерял эти полтора метра строительной рулеткой, потому что в прошлую субботу приходила проверка и насчитала сто сорок.

Клуб собирался не сразу, как собирается всё русское за границей: первыми пришли те, кому было совсем нечем заняться, последними – те, кому тоже было нечем, но кто не хотел этого показывать. Вела заседание Ирина Львовна, филолог из Нижнего Новгорода, тридцать лет преподававшая русскую литературу детям, которые её не читали, и теперь наконец получившая взрослых, которые читали, да ещё и сами приходили. У неё был тонкий серебряный карандаш, которым она стучала по чашке, когда разговор уходил в сторону курса лиры, и этот звон действовал на всех так, как колокольчик действует на собаку Павлова.

Рядом с ней сидел Геннадий Павлович, отставной полковник, седой, прямой и пахнущий одеколоном «Дарс», который, видимо, привёз с собой из России стратегическим запасом. Он читал все книги клуба до конца, с карандашом, и на полях его Бунина стояли пометы вроде «дурак», «сам виноват» и однажды, против Руси из одноимённого рассказа, «вот это баба». Дальше шли две учительницы, Нина и Галя, пенсионерки из Сургута, приехавшие вместе, снимавшие квартиру вместе и до сих пор обращавшиеся друг к другу по имени-отчеству, если спорили. И Тимур, айтишник на удалёнке, который всё заседание смотрел в ноутбук и только иногда поднимал голову, чтобы сказать что-нибудь совершенно точное и снова исчезнуть, как суслик.

Андрей сел с краю, у фонтанчика, который не работал, и представился кратко, как на совещании с новым подрядчиком: имя, откуда, как долго здесь. Ирина Львовна посмотрела на него поверх очков так, словно уже знала, что сочинение он списал, и спросила, какой рассказ из «Тёмных аллей» его задел. Андрей сказал честно: первый, тот, про старого генерала и хозяйку постоялого двора, которую он когда-то бросил. Там, сказал он, человек тридцать лет прожил с чувством, что самое лучшее с ним уже случилось, и при этом сам это лучшее выбросил, и каким-то образом это его устраивало.

– А вас устраивает? – спросила Ирина Львовна.

– В каком смысле?

– В прямом. Вас устраивает такой финал?

– Меня устраивает, что у него были лошади, – сказал Андрей. – Сел и уехал. А тут комендантский час.

Полковник засмеялся и сказал «правильно», учительницы переглянулись, Тимур впервые поднял голову. Ирина Львовна стукнула карандашом по чашке, но не строго, а скорее в знак признания, и в эту самую секунду, словно звон был приглашением, в арке двора появилась Асия.

Она не вошла, а именно появилась, как появляется на сцене актёр, знающий, что его ждали. В одной руке у неё был телефон, в другой фольгированный поднос, накрытый полотенцем, на плече сумка размером с небольшой чемодан. Ей было лет тридцать пять, и она была сделана из того материала, из которого старые мастера лепили богинь плодородия, пока мода

не решила, что богини должны есть салат: тяжёлая и высокая грудь, талия, которую изобрели специально для контраста, и бёдра такого масштаба, что узкая арка кофейни на миг показалась Андрею недостатком архитектуры. На ней было жёлтое платье в мелкий цветочек, чёрные волосы были собраны на макушке в тяжёлый узел, из которого торчал карандаш, и лицо у неё было широкоскулое, смуглое и настолько довольное жизнью, что рядом с ним хотелось оправдываться за своё.

– Я опоздала, знаю, знаю, – объявила она, хотя никто ничего ей не сказал. – У Дамира онлайн-урок, вайфай лег, пока подняли, пока то-сё. Ирина Львовна, вот, это вам и всем, спекла в шесть утра, ещё тёплые. Эчпочмаки. Кто не знает – треугольники. Кто знает – тоже ешьте.

Она сдёрнула полотенце, и двор наполнился запахом баранины, лука и детства, причём детства общего, советского, с бабушкиной кухней, даже у тех, чьи бабушки никогда не пекли ничего сложнее гренков. Озан вышел из кухни, понюхал воздух, как старый лев, и не сказал ни слова о том, что со своей едой сюда нельзя, а вместо этого взял себе два.

Место было только одно – рядом с Андреем, у неработающего фонтанчика. Асия оценила полтора метра, отмеренные Озаном, с выражением таможенника, которому говорят, что в чемодане только личные вещи, и передвинула стул сантиметров на сорок ближе, чем допускала турецкая республика.

– Асия, – сказала она и протянула руку, тёплую и слегка масляную. – А вы новенький. Я всех знаю, а вас не знаю. Вы из Москвы. Не спорьте, у вас на лице написано, что вы пришли на двадцать минут раньше. Из Казани люди приходят вовремя, а из Москвы – раньше или никогда.

– А вы опоздали на сорок минут, – заметил Андрей.

– А я исключение. Возьмите, вон тот, с краю, он самый румяный, я его для кого-нибудь хорошего держала.

Андрей взял. Эчпочмак был горячий, тяжёлый, с дырочкой наверху, из которой поднимался пар, и на вкус оказался именно таким, каким бывает вкус еды, которую тебе приготовили с умыслом. Он поймал себя на том, что закрыл глаза, и быстро открыл. Асия смотрела на него и улыбалась так, как улыбается рыбак, у которого дёрнулся поплавок.

Дальше говорили о «Русе», и полковник зачитал своё «вот это баба», на что Галя сказала «Геннадий Павлович, ну что вы», а Нина – «Галина Сергеевна, а ведь он прав», и начался тот самый спор по имени-отчеству, который в клубе ценили выше Бунина. Тимур вынырнул из ноутбука и сказал, что все рассказы в сборнике про одно и то же: человек получает счастье и испуганно его ломает, как ребёнок – дорогую игрушку, чтобы посмотреть, что внутри. И снова утонул. Андрей подумал, что это очень умно и что к нему это, разумеется, никакого отношения не имеет.

Всё это время Асия не говорила о Бунине ни слова. Она ела свой эчпочмак, отламывая уголки, кивала в нужных местах и тихо комментировала Андрею, придвинувшись так, что его локоть оказался в опасной близости от самого впечатляющего объекта клуба. Ирина Львовна, сказала она, этой весной хоронила мужа по видеосвязи, потому что границы закрыли за неделю до похорон, и с тех пор стучит карандашом, а раньше не стучала. Полковник влюблён в Ирину Львовну и притворяется, что любит Бунина. Нина и Галя не сёстры и не подруги, а бывшие жёны одного и того же мужчины, и он давно умер, а они так и продолжают делить его на двоих.

– А Тимур? – спросил Андрей шёпотом, неожиданно для себя втянувшись.

– А Тимур слушает, – сказала Асия громче, и Тимур, не поднимая головы от экрана, показал ей средний палец. Асия расхохоталась, и всё, что у неё было, смеялось вместе с ней, и Андрей посмотрел на апельсиновое дерево с тем сосредоточенным вниманием, с каким в лифте разглядывают табличку с грузоподъёмностью.

Когда заседание кончилось и Ирина Львовна объявила следующую книгу («Дама с собачкой», и полковник сразу сказал, что там тоже сам виноват), Асия собрала пустой поднос,

накрыла его полотенцем, словно там ещё что-то оставалось, и сказала Андрею, не спрашивая, а сообщая:

– Вы меня проводите до машины. У меня сумка.

Сумка весила ровно столько, сколько весит сумка с кошельком и солнечными очками. Андрей нёс её до белого «Рено» с детским креслом на заднем сиденье и чувствовал себя старшеклассником, которого самая красивая девочка школы попросила подержать портфель, – с той только разницей, что в школе ему такого никто никогда не предлагал. У машины Асия забрала сумку, бросила её на переднее сиденье, обернулась и оказалась вдруг очень близко, так близко, что он почувствовал запах её волос: тесто, жасмин и что-то неуловимо тревожное, как корица в мясе.

– У вас квартира большая? – спросила она.

– Средняя, – сказал Андрей, и это была первая в этой истории ложь, совсем маленькая, размером с одну спальню.

– Жалко, – сказала Асия, и по лицу её было непонятно, поверила ли она. – А то у меня Дамир давно просит в гости к кому-нибудь, у кого балкон высоко. Ничего. В субботу увидимся. Вы придёте.

Это тоже был не вопрос. Она села за руль, и «Рено» укатило по узкой улице мимо закрытых лавок с сувенирами, подпрыгивая на лежачих полицейских так же плавно и неизбежно, как подпрыгивало всё остальное при каждом её шаге.

Андрей постоял, посмотрел ей вслед и пошёл домой длинной дорогой, через магазин, где жила Локум. Он долго сидел рядом с собакой на ступеньках, и собака положила ему голову на колено, потому что запах баранины на его пальцах был для неё весомее любых слов.

– Хорошая женщина, – сказал он Локум. – Просто очень хорошая. Так не бывает.

Локум посмотрела на него своим разноухим взглядом, одно ухо верит, другое нет, и вздохнула так, как вздыхают только собаки и пожилые женщины, слушающие оправдания взрослых сыновей.

Глава 3. Тиндер и другие стихийные бедствия

Анкету в Тиндере Андрей составлял три вечера, и получился документ, который постыдился бы подписать любой кадровик. «Андрей, 50. Москва – Анталия. Люблю море, книги и тишину. Ищу интересного собеседника». Он перечитал это последний раз перед публикацией и понял, что лучше всего эти слова подходят не ему, а памятнику Чехову в Ялте: тот тоже сидит у моря с книгой, тоже молчит и тоже всё время ждёт, что кто-нибудь интересный присядет рядом. Фотографий было три: на балконе на фоне гор, на набережной на фоне заката и одна старая, с корпоратива, с аккуратно отрезанным плечом финансового директора. На всех трёх он улыбался так, будто его просили улыбнуться и он согласился, но не сразу.

Приложение приняло его с восторгом изголодавшегося алгоритма. Летом двадцатого года в радиусе десяти километров от Коньяалты жили сотни людей, которые, как и он, уехали к морю за новой жизнью и обнаружили, что новая жизнь тоже сидит на карантине. Карточки листались, как каталог чужих надежд: женщины на фоне водопада Дюден, женщины на фоне Аспендоса, женщины на фоне других женщин, с которыми они когда-то дружили, а потом, судя по размытому лицу, перестали. И под каждой фотографией текст, написанный с такой же тщательной осторожностью, как и его собственный: «Ищу настоящего», «Без игр», «Женатым не беспокоить», «Не пишите привет, как дела». После ста карточек Андрей понял, что читает не анкеты, а свод техники безопасности, составленный по итогам расследования несчастных случаев. Каждый пункт там был написан чьей-то кровью.

Он свайпал вправо осторожно, по три-четыре раза за вечер, с тем чувством, с каким в девяностые клал деньги в банк, который посоветовал знакомый знакомого. Совпадения приходили неожиданно часто. Андрей сначала радовался, потом заподозрил, что дело не в нём, а в комендантском часе, и был прав только наполовину, что в его возрасте уже считается очень хорошим результатом.

Первой была Оксана, сорок четыре, психолог из Екатеринбурга, ведущая онлайн-консультации и марафон «Верни себе себя». Они встретились в парке Ататюрка на обрыве над морем, в масках, на безопасном расстоянии, и в первые десять минут Андрей решил, что всё идёт отлично, потому что Оксана слушала его так, как его никто не слушал лет двадцать: наклонив голову, не перебивая и иногда кивая в самых неожиданных местах. Он рассказал про квартиры, про таблицу, про Серёгу и его «дальше только повторы». На Серёге Оксана кивнула особенно глубоко.

– Скажите, – спросила она, когда он закончил, – а вы всегда уходите первым?

– Откуда?

– Отовсюду. Из брака, с работы, из страны. Вы продали дачу дешевле, чтобы она не успела вас удержать. Это очень красиво. У вас классический избегающий тип привязанности, Андрей. Я бы с вами поработала. Не сейчас, конечно, – добавила она, и глаза её над маской стали лукавыми. – Сейчас у нас свидание. Но вообще у меня есть пакет из десяти сессий, и для русскоязычных в Турции скидка пятнадцать процентов.

Андрей сказал, что подумает. Через полчаса, вежливо проводив её до такси, он поймал себя на том, что спускается по лестнице к морю чуть быстрее, чем следовало бы человеку, которому нечего бояться, и что уходит первым даже сейчас, сразу после разговора о том, что он всегда уходит первым. Дома он честно прочитал в интернете про избегающий тип привязанности, узнал себя в трёх пунктах из семи, решил, что это гороскоп для людей с высшим образованием, и закрыл вкладку. Статья осталась висеть в истории браузера, как висит на вешалке чужое пальто, которое всё равно никто не забирает.

Второй была Людмила Аркадьевна, которая в анкете называлась Людой, а вживую сразу стала Людмилой Аркадьевной, как только протянула ему ладонь, правильно сложенную для рукопожатия. Вдова подполковника из Краснодара, пятьдесят восемь лет, седая короткая стрижка, синие глаза и та спокойная доброта, которая бывает только у женщин, переживших самое страшное и решивших, что теперь можно не спешить. Она пригласила его сразу домой, без кокетства, на борщ, потому что в кафе нельзя, а есть можно всегда.

Борщ был великолепен. Проблема была в кошках. Их было одиннадцать, и каждая вышла посмотреть на гостя по своей собственной программе: кто-то торжественно, как делегация, кто-то исподтишка, как проверка, а одна, трёхцветная и бесцеремонная, сразу легла ему на колени и начала месить его брюки, как тесто. Все кошки были подобраны на улицах Анталии, и все носили имена сослуживцев покойного подполковника.

– Это Кузьмич, – сказала Людмила Аркадьевна про трёхцветную. – Хотя она девочка. Настоящий Кузьмич тоже лез ко всем обниматься, когда выпьет. А вон тот, на шкафу, серый, это генерал Третьяков. Видите, как смотрит? Вот так же он смотрел на моего Витю, когда тот писал рапорт.

Андрей ел борщ под взглядом генерала Третьякова и слушал про Витю. Витя был золотой человек, служил в Германии, потом в Чите, потом в Краснодаре, на пенсии держал пчёл и мечтал о своём доме у моря, куда не дотянутся ни начальство, ни родственники. Они купили эту квартиру в девятнадцатом, он прожил в ней четыре месяца и умер в апреле, в самый разгар, и в больницу её к нему так и не пустили.

– Я не для того, чтобы вы меня жалели, – сказала она, заметив, что он перестал есть. – Себя я уже отжалела. Я теперь хочу, чтобы в доме был мужчина, который починит кран и будет перед сном спорить со мной про политику. И чтобы котов не обижал. Больше мне ничего не надо. А вам?

Андрей хотел сказать что-нибудь осмысленное и, потенциально, даже красивое, но в этот момент Кузьмич домесила его брюки до нужной консистенции, и он чихнул. Потом чихнул ещё раз. Потом чихал подряд две минуты, с нарастающей силой и нарастающим ужасом, под взглядами одиннадцати кошек, и на двенадцатом чихе генерал Третьяков ушёл со шкафа с видом командира, всё для себя решившего. Через десять минут Андрей стоял в подъезде с красными глазами и банкой борща, которую ему всунули в руки со словами «вот видите, не судьба, а борщ всё равно заберите».

На улице он подумал, что это было самое честное свидание в его жизни: женщина сразу сказала, чего хочет, а его собственное тело, чтобы не врать, ответило за него чиханием. Жаль, подумал он, что у него нет такой же аллергии на всё остальное: чихнул – и всем всё понятно. Борщ он донёс до дома и ел три дня, и каждый раз борщ был вкуснее, а ему стыднее.

А потом был Бейрут.

В августе двадцатого года в бейрутском порту взорвался склад селитры, и антальский Тиндер к осени вдруг заговорил по-французски и по-арабски. Ливанцы ехали туда, куда можно было доехать без визы и где ещё работали банки, и везли с собой то, что успели спасти: доллары наличными, фотоальбомы, мамины кофейные турки и манеру смеяться над тем, над чем другие плачут, потому что плакать они уже пробовали и не помогло.

Нур написала первой, по-английски, в два часа ночи: «У тебя лицо человека, который знает, где купить нормальный арак. Ты знаешь?» Андрей не знал, что такое арак, но нашёл за сорок минут, и это была его лучшая самопрезентация за всё лето. На встречу в ливанский ресторан в Ларе Нур пришла не одна, а с Римой. Рима была то ли кузина, то ли подруга, то ли бывшая жена кузена – Андрей так и не разобрался, потому что каждый раз, когда он спрашивал, обе женщины начинали объяснять одновременно, на трёх языках, спорили между собой о степени родства и в итоге соглашались только в одном: что тот кузен был сволочь.

Нур была маленькая, сухая, с короткой стрижкой и голосом курильщика, который давно и сознательно принял свои решения. До взрыва она была архитектором, после взрыва её бюро, как она выразилась, «стало стеклянным во всех смыслах, особенно в смысле осколков». Рима была её противоположностью: высокая, медленная, с золотыми браслетами, которые звенели при каждом её жесте, и с манерой смотреть на мужчину так, словно он уже что-то обещал и теперь делает вид, что забыл. Они заказали полстола еды, не глядя в меню, поцеловались с хозяином, с официантом и с какой-то старушкой за соседним столиком, и Андрей с удивлением понял, что эти люди приехали в Анталию полтора месяца назад, а знают здесь больше людей, чем он за девять.

Арак оказался анисовой водкой, которая белеет от воды, как человек от плохих новостей. После второго стакана Нур рассказала, как в ту секунду стояла у окна с чашкой кофе и как чашка осталась целой, а окно – нет. После третьего Рима спросила, правда ли, что все русские мужчины держат деньги в криптовалюте, и Андрей ответил, что неправда, все русские мужчины держат деньги в тумбочке под носками, и Рима смеялась так долго и так мелодично, позвякивая браслетами, что он заподозрил, что её интерес к его тумбочке вполне практический. После четвёртого хозяин включил Фейруз, и обе женщины заплакали, сразу и не стесняясь, а потом встали и начали танцевать между столиками, по-прежнему плача, и старушка за соседним столиком хлопала им в ладоши.

Андрей сидел и смотрел на них с чувством, которое не сразу смог назвать. Потом назвал: это была зависть, та же, что и к собакам с жёлтыми бирками. У этих женщин взорвался город, и они плакали и танцевали. У него ничего не взорвалось, он всё аккуратно продал по таблице, и ни плакать, ни танцевать ему было не с чего.

В конце вечера, когда принесли кофе, Рима допила свою чашку, перевернула её на блюдце, потом забрала чашку у Андрея и сделала то же самое с ней. Подождала, пока гуща стечёт, заглянула внутрь и надолго замолчала, что для неё было поступком исключительным.

– Тут женщина, – сказала она наконец по-английски. – Давняя. Очень давняя, видишь, какая длинная дорога до неё. Она придёт к тебе сама. А вот здесь – дверь. Закрытая.

– Кто её закрыл? – спросил Андрей, улыбаясь, потому что так полагается улыбаться среднему менеджеру, когда ему гадают на кофе.

Рима посмотрела на него через стол, и в первый раз за весь вечер браслеты её не звенели.

– А ты как думаешь?

Нур досадливо сказала что-то по-арабски, и они снова заспорили, и разговор укатился в сторону кузена-сволочи. Андрей оплатил счёт, который по турецким меркам был приличным, а по ливанским, судя по тому, как Нур поцеловала его в лоб, смехотворным. У выхода Рима взяла его под руку и спросила, далеко ли отсюда его тумбочка, и он сказал, что очень далеко, почти в другой стране, и она снова смеялась и снова звенела, но на этот раз немного тише.

Они виделись ещё три раза. Один раз на пляже, где Нур читала ему лекцию о том, почему турецкие новостройки рухнут при первом хорошем землетрясении, и показывала пальцем на его десятый этаж. Один раз на дне рождения какого-то другого ливанца, которого Андрей так и не увидел. И один раз Рима пришла одна, в белом, с бутылкой арака, и они сидели у него на балконе до начала комендантского часа, и она сняла браслеты и сложила их аккуратной горкой на стол, и это был самый интимный жест, который Андрей видел за последние годы. Она ждала. Он рассказывал ей про Бейдаглары, какая там высота, и когда ложится снег, и когда сходит, и откуда лучше смотреть закат. В десять сорок Рима надела браслеты обратно, по одному, не торопясь, как надевают доспехи, и сказала у двери:

– Ты хороший человек, Андрей. И ты ждёшь не меня. Это ничего. Хуже, что ты ждёшь и не знаешь об этом.

В ноябре они уехали в Дубай, где у того самого кузена-сволочи нашлась для них работа. Нур прислала фотографию из самолёта: крыло, облака и подпись «не строй ничего выше пятого этажа». Рима ничего не прислала.

В ноябре же Андрей удалил Тиндер.

Он сделал это вечером, на балконе, с чувством человека, который закрывает убыточный проект и даже составляет по нему заключительный отчёт. Отчёт получался короткий. За полгода – восемь свиданий, одна банка борща, один диагноз, одно предсказание на кофейной гуще и ни одной женщины в гостевой спальне и в его собственной тоже. Причины неуспеха в каждом случае были разные и вполне уважительные: профессиональная деформация партнёра, аллергия на кошек, культурные различия, комендантский час. В графе «общий знаменатель» он ничего не написал, хотя общий знаменатель сидел в балконном кресле с телефоном в руках и смотрел на горы.

В телефоне мигало непрочитанное. Асия, которая все эти месяцы продолжала приходить по субботам с подносом, писала ему так, как пишут не мужчине, а давно сложившемуся обстоятельству: «В воскресенье у Дамира день рождения, девять лет. Он хочет, чтобы пришёл дядя Андрей, у которого собака. Я ему сказала, что собака не ваша, но он не верит. В три часа. Манты будут».

Андрей перечитал сообщение трижды. Собака была не его. Это была чистая правда, и цену этой правде прекрасно знали все, начиная с самой Локум. Он написал «спасибо, постараюсь», что на языке людей его склада всегда означало «нет», но вежливое. Потом подумал, стёр и написал «приду». Потом долго сидел, глядя на это слово, короткое и незащищённое, как ракушка на песке, и нажал «отправить» раньше, чем успел составить в голове таблицу рисков.

Над Бейдагларами догорало небо, абрикосовое и сиреневое. Андрей сфотографировал его, открыл контакт, записанный одной буквой, подержал палец над экраном и закрыл. Не сейчас. Всё равно уже стемнело.

Глава 4. Эчпочмаки

Подарок Андрей выбирал дольше, чем квартиру в Коньяалты. На квартиру у него ушло четыре просмотра и одна таблица, а на подарок девятилетнему мальчику, которого он ни разу не видел, – три дня, три торговых центра и одна бессонная ночь. Конструктор был слишком предсказуем, игровая приставка – слишком дорога и потому неприлична, книга – слишком похожа на подарок от дяди, который не знает, что подарить. В конце концов он вспомнил фразу Асии про балкон, который высоко, и купил бинокль, настоящий, восьмикратный, в чёрном футляре с ремнём, из тех, что продают охотникам и старикам, наблюдающим за птицами. В магазине он посмотрел в него через витрину на Бейдаглары, и горы подошли так близко, что стали видны отдельные сосны на склонах и каменная осыпь, похожая на седину в бороде. Он понял, что за весь год ни разу не видел свои горы вблизи, и это ему не понравилось, так что бинокль он покупал с лёгкой обидой, будто дарил мальчику то, что давно надо было купить себе.

Асия жила в Ларе, в старом доме без бассейна, с лимонным деревом у подъезда и турецкими соседками, которые спускали с четвёртого этажа на верёвке корзинку, и бакалейщик клал туда хлеб, сигареты и сдачу мелочью. Квартира была на третьем, и в ней было всё, чего не было у Андрея: ковёр с казанскими узорами, гора обуви в прихожей, детские рисунки на холодильнике вместо магнитов, коробки с товаром для маркетплейса по всем углам и запах теста, который, кажется, жил здесь на правах полноправного члена семьи. Асия продавала турецкие полотенца и халаты в Россию, и коробки были подписаны фломастером размашистым почерком: «ВАФЛЯ БЕЛАЯ», «МАХРА ПРИВЕРНУЛИ», «НЕ ТРОГАТЬ ДАМИР».

На дне рождения были четверо детей из русской школы, их мамы, которые смотрели на Андрея с неприкрытым интересом соседей по пляжу, куда вдруг заплыл дельфин, и Ирина Львовна, которая принесла Дамиру «Дети капитана Гранта» в издании семьдесят восьмого года со своими детскими карандашными пометами на полях. И был сам Дамир, тонкий, серьёзный, с материными скулами и чьими-то чужими светлыми глазами, который принял бинокль обеими руками, как принимают орден, сказал «спасибо» и сразу спросил:

– А собака ваша или нет?

– Не моя, – честно сказал Андрей.

– А почему вы её тогда кормите?

Андрей открыл рот, чтобы сказать что-то про то, что собаке и так хорошо, у неё бирка и вся улица, и понял, что не может этого сказать мальчику со светлыми глазами. Перед взрослыми эта фраза работала безотказно, потому что у взрослых были свои собаки, которых они тоже кормили и не брали домой.

– Потому что она голодная, – сказал он наконец.

– А если она будет сытая, вы перестанете к ней ходить?

– Дамир, – сказала Асия из кухни таким голосом, каким в фильмах про войну кричат «воздух!». – Иди смотри в бинокль. Дядя Андрей пришёл есть, а не давать показания.

Дамир ушёл на балкон, и Андрей слышал, как он там объясняет друзьям, что теперь видно, что турки на седьмом этаже напротив едят арбуз в ноябре, а это неправильно. Он подумал, что мальчик справился с биноклем за пять минут лучше, чем он сам за год: он смотрел не на горы, а на людей.

Ели много, страшно и с наслаждением. Были манты, обещанные в сообщении, и беляши, и чак-чак, залитый мёдом в форме горы, и, разумеется, эчпочмаки, два противня, как на свадьбу. Асия не садилась ни на минуту. Она ходила вокруг стола, подкладывала, доливала, смеялась, и каждый раз, когда она наклонялась над Андреем, чтобы положить ему ещё кусок, весь стол на секунду переставал жевать. Даже Ирина Львовна. Особенно Ирина Львовна, которая

всю жизнь преподавала литературу и точно знала, чем заканчиваются подобные первые акты, если на стене висит ружьё. Ружья на стене не было, был ковёр с казанскими узорами, но Ирина Львовна посматривала на него с подозрением.

К восьми часам гости стали расходиться с той деликатной поспешностью, с какой гости уходят со свадьбы, когда молодые начинают переглядываться. Мамы увели детей, Ирина Львовна у двери посмотрела на Андрея поверх очков и покачала головой, и нельзя было понять, осуждает она его или сочувствует. Дамир заснул на диване в гостиной в футболке с пиратским флагом, не выпуская бинокль, и Асия накрыла его пледом из коробки «НЕ ТРОГАТЬ ДАМИР». Андрей собирался уходить тоже. Он даже сказал это вслух.

– Сейчас, – ответила Асия. – Чай попьём, и уйдёшь.

Она впервые сказала ему «ты», и никто не заметил, кроме него.

Чай оказался коньяком. Они сидели на кухне, среди грязной посуды и остатков чак-чака, и Асия наконец села и сняла тапки, и вынула карандаш из волос, и волосы сползли ей на плечи тяжёлой чёрной волной, и она посмотрела на него совсем другими глазами – не хозяйки, не матери и не рыбака с поплавком, а уставшей женщины, которая сегодня встала в пять утра и которой надоело играть.

– Слушай, – сказала она. – Я скажу просто, потому что ты москвич и сам не скажешь никогда. Ты мне нравишься. С первого дня, с эчпочмака. Ты его ел с закрытыми глазами, так едят только те, кого давно никто не кормил. Я тебе тоже нравлюсь, я вижу, не надо. Мне тридцать пять лет, у меня сын, ипотека в Казани и полотенца. У меня нет времени на ухаживания по Бунину, когда он тридцать лет смотрит на неё из сада, а потом все умерли. Оставайся. Дамир спит как убитый, его пушкой не разбудишь.

Она положила руку ему на колено. Рука была горячая, тяжёлая и совершенно уверенная в своём праве находиться именно здесь. Андрей смотрел на эту руку, как на документ, который ему положили на подпись без предупреждения, и потом Асия наклонилась и поцеловала его, и на какое-то время все его таблицы и колонки рисков перестали существовать.

Она целовалась так же, как готовила: щедро, с избытком, без всякого уважения к диетам. Её грудь прижалась к нему, и Андрей, совершенно отвыкший от чужих тел, ощутил её как событие геологического масштаба, сдвиг плит, от которого у него заложило уши. Его рука сама, без всякого согласования с руководством, легла ей на бедро, и бедро было всё таким же, каким он его воображал на заседаниях книжного клуба, когда все обсуждали Чехова, а он делал вид, что изучает апельсиновое дерево. Тело его откликнулось быстро, твёрдо и с таким энтузиазмом, какого он за ним не замечал с прошлой пятилетки, и Асия это почувствовала и засмеялась ему в губы, тихо, победно и совсем без насмешки.

– Ну вот, – сказала она. – А ты говорил «средняя квартира».

И вот тут, в эту самую секунду, когда оставалось только встать и пойти за ней в спальню мимо спящего с биноклем мальчика, с Андреем случилось то, что он потом не смог объяснить ни ей, ни себе, ни чайнику. Он не остыл и не испугался. Он просто вдруг увидел себя со стороны, сверху, с лампы: кухня, грязная посуда, коньяк, красивая женщина с распущенными волосами и пятидесятилетний мужчина, которого сейчас выберут. Не он выберет – его выберут, просто и по делу, как выбирают рыбу на рынке, и завтра утром он проснётся в этой квартире с коробками и будет пить чай с мальчиком, который задаёт правильные вопросы, и послезавтра тоже, и через год. И это будет хорошая жизнь. Совершенно хорошая, тёплая, сытая жизнь, в которой не будет места одной букве в его телефоне.

Он не подумал этими словами. Словами он не подумал вообще ничего, и это было хуже всего, потому что слова можно было бы опровергнуть. Он просто мягко взял её руку и убрал со своего колена, вежливо, как убирают со стола чужую чашку, и сказал самую идиотскую фразу в своей жизни:

– Асия, ты замечательная. Давай не будем торопиться.

Асия посмотрела на него долго. Потом посмотрела вниз, на то место, где его тело продолжало честно и недвусмысленно спорить с ним самим. Потом снова на него.

– Торопиться, – повторила она. – Андрей, тебе пятьдесят. Мне тридцать пять. В городе комендантский час, в мире чума. Ты вообще понимаешь, куда мы можем опоздать?

Он понимал. Он не ответил.

Асия встала, собрала волосы одним движением и воткнула в них карандаш, и это было похоже на то, как задвигают засов. Она не обиделась. Вернее, обиделась, но не стала об этом сообщать, потому что обида в её системе ценностей была роскошью для тех, у кого нет коробок с вафлей на отправку. Она сложила в контейнер два эчпочмака, закрыла крышкой с щелчком и протянула ему.

– Это тебе на завтра. И собаке дай кусочек, она тоже не виновата. Иди, Андрей. Пока такси ещё ездят.

У двери он обернулся. Дамир спал, обнимая бинокль, и в темноте стёкла объективов отражали фонарь с улицы, так что казалось, будто бинокль тоже смотрит на Андрея – внимательно, в восьмикратном увеличении, и видит отдельные сосны и каменную осыпь.

Дома он не спал. Он сидел на балконе с контейнером на коленях и составлял в голове доводы. У неё ребёнок, а он не готов быть отцом чужому мальчику. Это была ложь, потому что мальчик понравился ему больше всех людей, с которыми он познакомился за год. Она на пятнадцать лет младше, и через десять лет это станет проблемой. Это была не ложь, но и не причина, и он знал это, потому что любой проект на десять лет с такими вводными он бы одобрил сразу. Она слишком простая. А вот это была уже не ложь, а подлость, и он стёр её из головы так быстро, как стирают нечаянно отправленное не в тот чат. Асия была не простой. Она была прямой, а это другое, и рядом с её прямотой вся его сложность выглядела как коридор в старом учреждении: длинный, с множеством дверей, и все закрыты.

К рассвету доводы кончились, и осталось только одно, самое простое и самое непристойное: ему было хорошо с ней, и именно поэтому он ушёл. Муэдзин с ближней мечети начал утренний азан, и Андрей, который за год научился не слышать его, как не слышат тиканья своих часов, вдруг услышал и дослушал до конца. Голос старика звал всех вставать, потому что молитва лучше сна, и Андрей подумал, что у него нет ни того, ни другого.

Эчпочмаки он съел на завтрак, холодными, и они были вкуснее, чем горячие, как всё, что доедаешь на следующее утро. Кусок он отнёс Локум. Локум съела его за одну секунду, без всяких раздумий, и посмотрела на него с упрёком, который он понял без перевода: вот так это делается, дурак. Дают – бери.

В книжный клуб он продолжал ходить всю зиму, и это было самое мужественное, что он сделал в ту зиму. Асия тоже ходила, тоже опаздывала, тоже приносила поднос. Она была с ним любезна, как со всеми, и это было хуже любой холодности, потому что холодность значила бы, что он что-то сделал, а любезность означала, что он не сделал ничего. Самый румяный эчпочмак теперь доставался полковнику, и полковник принимал его с видом человека, неожиданно произведённого в следующее звание.

Была в ту зиму и ещё одна история, о которой Андрей не рассказывал в клубе, потому что в клубе её сразу записали бы в бунинские, а бунинского в ней не было ничего. Её звали Яна, и она была его восьмым и последним совпадением в Тиндере, случившимся за неделю до того, как он его удалил.

Они встретились в рыбном ресторане на Коньяалты, выпили бутылку белого, и когда Андрей пошёл провожать её домой, выяснилось, что провожать нужно в ту же сторону, куда он собирался и сам. Они дошли до его квартала, потом до его двора с бассейном, потом Яна

остановилась у первого подъезда и сказала «ну, я пришла». Андрей жил во втором. Полгода они кивали друг другу у мусорных баков, не зная, что уже давно лайкнули друг друга в интернете, и алгоритму понадобилось три месяца и радиус в десять километров, чтобы свести людей, между которыми было сорок метров и куст олеандра.

– Это самое дорогое знакомство с соседом в моей жизни, – сказала Яна. – Можно было просто попросить соль.

Яне было пятьдесят два, она была на пару лет старше Андрея и не скрывала этого ни в анкете, ни в лице. Двадцать лет она продавала квартиры в Ростове, потом продала свою, уехала сюда и теперь называла себя риелтором на пенсии, хотя пенсии у неё не было, а были сбережения и твёрдая уверенность, что работать больше не нужно никогда. На любую квартиру она смотрела профессионально. В первый же раз, когда она зашла к Андрею, она обошла все комнаты, постучала по стене, посмотрела на закрытую дверь второй спальни и сказала: «Два плюс один, переплатил тысяч двадцать. Но вид хороший». Про дверь она ничего не спросила, и Андрей записал ей это в плюс.

С ней было легко. Яна была весёлая, громкая, с ростовским говором, в котором «г» всегда немножко «х», и понимала его шутки раньше, чем он до них доходил, что с ним случалось редко. Она ничего не требовала. Приходила вечером из первого подъезда во второй в тапках, с пакетом фисташек, и уходила, когда ей хотелось спать, и один раз разбудила его в девять утра только для того, чтобы сказать, что у него на балконе сидит чайка и что это к деньгам. О чём бы ни шёл разговор, через пять минут он сворачивал на её дочь. Дочь работала у Дурова в Телеграме, в Дубае, и за ту зиму Андрей узнал о Телеграме больше, чем за всю предыдущую жизнь: что у дочери новый проект, что сам Дуров однажды остановился у её стола и сказал «интересно», что в офисе у них бесплатные смузи и что дочь, между прочим, получает теперь больше, чем вся ростовская риелторская контора, где Яна проработала двадцать лет. Успехи дочери сообщались с регулярностью сводок с фронта, и к февралю Андрей знал дочь заочно лучше, чем некоторых своих бывших подчинённых. Он слушал и кивал. Слушать про чужих успешных детей было даже приятно, как смотреть чужой салют: ничего не стоит, а красиво.

Она научила его играть в окей. Это были турецкие домино, только вместо точек на костяшках были цифры четырёх цветов, а правила были такие, что Андрей, человек таблиц, неделю подозревал, что Яна придумывает их на ходу. Играли в антальских чайханах старики, стуча костяшками так, что слышно было с улицы, а в комендантский час играли Андрей с Яной у него на кухне, и стучали не хуже. Андрей проигрывал. Он считал вероятности, а Яна просто смотрела на него и по лицу знала, какая костяшка ему нужна, как когда-то по лицу покупателя знала, сколько он на самом деле готов заплатить. Когда окей надоедал, резались в карты, в дурака и в тысячу, и тут Андрей отыгрывался, потому что в институтской общаге на Вернадского карты были единственным, что не выдавали по талонам.

И ещё она научила его купаться зимой. В декабре она постучала к нему в половине второго, с полотенцем на плече, и сказала: «Пошли, сейчас самое солнце». Андрей сказал, что в декабре люди не купаются, и Яна ответила, что люди из Ростова купаются, если вода теплее Дона в июне, а вода была теплее. В два часа дня зимнее антальское солнце пекло так, что на гальке можно было лежать в одних плавках, а в море, если зайти сразу и не думать, можно было плавать минут десять и даже получать удовольствие. Андрей заходил не сразу и думал, поэтому удовольствие получал только потом, на гальке, глядя, как Яна фыркает в волнах, как довольный тюлень. Полицейские на набережной смотрели на них и ничего не говорили: на русских, купающихся в декабре, запреты не распространялись, потому что такого не предусматривал ни один указ.

Было ли между ними что-нибудь, кроме окея, карт и моря, Андрей и сам точно не знал. Пару раз они целовались у него в прихожей, на прощание, по-соседски, и Яна уходила к себе в первый подъезд. И в феврале Андрей решил, что пора сделать что-то чуть более осмысленное.

Повод был не совсем романтичный. В тот день отцу исполнилось бы восемьдесят лет. Отец умер давно, от него у Андрея остался тяжёлый «паркер», привычка садиться спиной к стене в ресторанах и рецепт стейка, который отец видел в кино и всю жизнь готовил по праздникам из того, что удавалось достать. Каждый год в этот день Андрей покупал хорошее мясо и бутылку красного и ужинал один. В этот раз ему захотелось ужинать не одному.

За день до этого, когда они сидели на гальке после моря, он сказал:

– Ян, приходи завтра вечером. Без окея. Я приготовлю стейк.

– Да, окей, – сказала Яна, вытирая голову полотенцем. – В шесть приду. Всё в порядке.

Потом Андрей думал, что надо было уточнить, в каком смысле окей.

На следующий день он купил два стейка у мясника на рынке и бутылку турецкого красного, стелил на стол скатерть, которую с переезда ни разу не доставал, и даже убрал со стола коробку с океем, чтобы не соблазняла. В шесть Яна не пришла. В половине седьмого тоже. В семь Андрей посмотрел в окно на первый подъезд – у неё горел свет – и звонить не стал.

Он жарил стейк так, как жарил отец, на чугунной сковороде, по три минуты с каждой стороны, и съел его. Выпил бутылку красного, не торопясь, за отца и немного за себя. Посмотрел три серии какого-то английского сериала про детектива, у которого тоже всё было сложно с женщинами. Второй стейк отдал утром Локум, и Локум считала этот вечер лучшим в истории их отношений. В целом вечер прошёл нормально. Как всегда в этот день.

На следующий день в половине второго Яна постучала с полотенцем на плече, как ни в чём не бывало. На пляже Андрей дождался, пока она выйдет из воды, и спросил, без упрёка, просто чтобы знать:

– А ты что вчера не пришла?

– А ты меня второй раз не позвал, – сказала Яна, выжимая волосы. – Я с первого раза не прихожу. Ты что, не знал? Женщину надо позвать два раза. А то как-то дёшево.

Андрей посмотрел на неё. Она сказала это совершенно спокойно, как сообщают правила окея, которые все давно знают, и Андрей вдруг очень ясно понял, как будет дальше. Каждый раз придётся звать дважды. Каждый раз делать второй шаг за неё и догадываться, какое её «да» настоящее, а какое пробное. И если она сделала так один раз, она будет делать так всегда, потому что для неё это не каприз, а правило. А в правилах Андрей разбирался. И эти правила ему не понравились.

Он ничего не сказал. Дошёл с ней до первого подъезда, попрощался и пошёл во второй. Дома он отключил её везде: в мессенджере, в телефоне, в чате дома, где они когда-то вместе ругали управляющую компанию за холодный бассейн. Коробку с океем поставил на шкаф.

Соседка, однако, на то и соседка. Через три дня вечером в дверь позвонили. Андрей посмотрел в глазок, увидел тапки и пакет фисташек и открыл, потому что не открыть человеку, который стоит за дверью и слышит, как ты дышишь в глазок, было бы совсем уж глупо.

– Ну ты чего? – сказала Яна. – Обиделся, что ли? Давай помиримся. Я фисташки принесла.

– Нет, Яна, – сказал Андрей. – Я не обиделся. Просто мне такой человек не нужен. Я не хочу с тобой общаться. Всё. До свидания.

И закрыл дверь. Спокойно, не хлопая. За дверью некоторое время стояли, потом тапки зашлёпали вниз по лестнице, мимо лифта, и Андрей подумал, что вот теперь она наверняка ждёт, что её позовут второй раз.

Второй раз он не позвал. Месяца два они ещё сталкивались у мусорных баков и кивали друг другу, как кивали до Тиндера, а потом Яна продала квартиру – быстро и дороже рынка, профессионал есть профессионал – и переехала в Аланью. Купаться зимой в два часа дня Андрей продолжил и без неё. А окей так и остался лежать на шкафу, потому что играть в него одному невозможно, это единственное правило, которое Андрей в нём твёрдо усвоил.

В апреле двадцать первого, на заседании, посвящённом «Анне Карениной», Асия пришла вовремя. Все заметили это сразу, как замечают затмение. Рядом с ней шёл большой тихий турок с аккуратной бородой и подносом в руках, и Асия представила его как Мехмета, инженера, который чинил ей кондиционер и теперь учит русский, потому что хочет читать Толстого в оригинале. Мехмет сказал «здравствуйте» с таким старанием, что у всех потеплело на душе, и даже Тимур поднял голову от ноутбука. На подносе была пахлава. Асия научила его держать поднос правильно.

Андрей пожал Мехмету руку, и рука у Мехмета была тёплая, сухая и рабочая. Андрей сел на своё место у неработающего фонтанчика и почувствовал сразу две вещи, которые не должны были помещаться в одном человеке, но прекрасно уместились: огромное облегчение и такую же огромную потерю. Ирина Львовна стукнула карандашом по чашке и спросила, кто хочет начать с Левина.

– Я, – сказала Асия. – Левин хороший. Дурак, конечно, полкниги ходит обиженный. Его один раз отшили, а он всё равно пришёл и спросил ещё раз. Мелом на столе, по первым буквам, как школьник. Не побоялся, что опять откажут. Вот это я в мужиках люблю больше всего.

Она не посмотрела на Андрея. В этом не было никакой нужды. Мехмет ничего не понял, но на всякий случай серьёзно кивнул, и полковник достал карандаш и поставил на полях своего Толстого такую жирную галочку, что порвал страницу.

На этом первая антальская зима Андрея закончилась, хотя по календарю уже давно была весна, а по термометру – почти лето. В тот же вечер он снова открыл контакт «М», написал «как ты?» и стёр, потому что вопрос показался ему неоправданно интимным.

Глава 5. Знакомство на набережной

К лету двадцать первого Анталия открылась, как открывается после отпуска кафе, в котором поменялся владелец: вывеска та же, столики те же, а люди другие. На Ларе зажглись отели-корабли, по Коньяалты снова ходили красные немцы и белые москвичи, а по вечерам из такси выплывали женщины в платьях, купленных специально для соцсетей. Андрей поначалу обрадовался, потом понял, что в толпе одиночество не исчезает, а просто меняет одежду, и начал уходить туда, где туристов было поменьше, а камни постарше.

Таким местом был Калеичи. Старый город спускался к морю террасами узких улиц, мощённых скользким камнем, мимо османских домов с деревянными эркерами, рассевшихся над мостовой, как старики над нардами, мимо римских камней, вмурованных в стены сувенирных лавок, мимо бугенвиллеи, которая текла по стенам лиловыми водопадами, и мимо кошек, которые текли по тем же стенам в обратном направлении. Внизу была старая гавань, подкова тёмной воды с деревянными пиратскими корабликами для туристов, и над ней – стена, на которую по вечерам падало солнце и на которой, казалось, написана вся история Средиземноморья, если только уметь читать по трещинам.

Андрей поселился в маленьком кафе на верхней террасе, над гаванью, где стояло четыре столика и старый фикус с воздушными корнями, свисавшими как борода пророка. Он приходил туда с книгой три-четыре раза в неделю, заказывал турецкий кофе средней сладости и стакан воды, читал две страницы и потом час смотрел на воду. Владелец, пожилой курд Неджати, который не говорил ни на одном языке, кроме турецкого и языка бровей, через месяц стал приносить ему кофе без заказа и придерживать для него столик у самого парапета. Это была самая долгая и самая успешная связь Андрея за полтора года, и он относился к ней бережно.

В тот день, в середине июня, его столик был занят.

За ним сидела женщина с ноутбуком и разговаривала с ним тем тоном, каким разговаривают с мужем, который опять забыл забрать ребёнка из садика.

– Нет, – говорила она ноутбуку. – Нет, милый. Ты не умрёшь. У тебя девять процентов, а у меня дедлайн через сорок минут. Ты не имеешь права умирать раньше меня. Это непорядочно.

Она была тонкая до прозрачности, в белой мужской рубашке на три размера больше нужного, из которой торчали ключицы, запястья и острые колени, как из коробки торчат ветки, которые везут на дачу. Волосы у неё были чёрные, короткие, небрежно срезанные, как будто она однажды ночью обиделась на своё отражение и взяла ножницы. Лет ей могло быть и тридцать пять, и сорок пять, в зависимости от того, как падал свет и куда она смотрела. Пальцы её, длинные, жёлтые от табака на кончиках, бегали по клавиатуре с такой скоростью, что Андрей, который всю жизнь печатал двумя указательными и одним проклятием, остановился посмотреть, как останавливаются посмотреть на уличного пианиста.

Неджати показал ему бровями на соседний столик и теми же бровями извинился: что тут поделаешь, женщина, иностранка, с компьютером, все мы в руках Аллаха. Андрей сел, открыл книгу и не прочёл ни строчки, потому что соседка продолжала переговоры с ноутбуком, и переговоры заходили в тупик.

– Шесть, – сказала она. – Пять. Сволочь китайская. Извините, – и она повернулась к Андрею так спокойно, словно знала с самого начала, что он русский, и не собиралась тратить время на английский. – У вас нет пауэрбанка? Или зарядки, или души, или чего-нибудь, что можно продать дьяволу в обмен на сорок минут батареи.

Пауэрбанк у Андрея был. Он всегда был, как всегда были в его сумке пластырь, правильная ручка и копия паспорта, потому что человек, который двадцать лет отвечал за то, чтобы ничего не случилось, уже не может выйти из дома без полного комплекта на случай конца

света. Он протянул ей пауэрбанк вместе с проводом, и она посмотрела на него с таким изумлением, словно он протянул ей запасную почку.

– Обалдеть, – сказала она. – Вы что, скаут? Вы всегда готовы?

– Всегда, – сказал Андрей и подумал, что это неправда. К большинству вещей в жизни он не был готов совсем, просто копии паспорта от них не помогали.

Она подключила ноутбук, поцеловала пауэрбанк в пластиковую макушку и снова уткнулась в экран. Андрей снова открыл книгу. Через пять минут она сказала, не отрываясь от клавиатуры:

– Скажите, скаут. Какое прилагательное вы выбрали бы для мужской силы? «Неисчерпаемая» уже была, «неудержимая» была дважды, «возрождённая» звучит как православный храм после реконструкции, а заказчик хочет «что-нибудь про уверенность, но чтобы не пошло». Это капсулы. Из женьшеня и чего-то китайского. Судя по составу, они действуют только на тех, кто читает мои тексты, так что текст должен быть хороший.

Андрей подумал.

– «Спокойная», – сказал он.

Она перестала печатать и впервые посмотрела на него по-настоящему, снизу вверх, от сандалий до лысины, которую он пока ещё называл высоким лбом. У неё были серые глаза, очень светлые, питерские, цвета неба над Невой в марте, и зрачки в них были странно маленькими для тени фикуса – Андрей отметил это машинально и тут же забыл, как забывают строчку мелким шрифтом внизу договора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.